

Г р а б М а к с и м о в

**РОССДАР.
ПЕСНЬ ПЕРВАЯ**

16+

Граб Максимов
Россдар. Песнь первая

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Граб Максимов

Россдар. Песнь первая / Граб Максимов — «ЛитРес: Самиздат»,
2019

Повесть рассказывает о мальчике-полукровке по имени Россдар. Он живет на севере Королевства Зейналис, встречается с трудностями и опасностями, преодолевает их и заводит друзей.

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

18

Закат – это начало

На краю Королевства Зейналис, на севере располагался молодой город под названием Алебеард. Назывался он так из-за Алебеардской горной гряды, тянувшейся по всей восточной равнине материка, буквально отделявшей Королевство от прочих земель. Алебеард состоял из четырех кварталов – Центрального, Угольного, Военного и Зимнего. В Центральном находились все жизненно важные для города постройки и жили зажиточные горожане. В Угольном проживали рабочие, и он стоял на отшибе, плавно перетекая в лес. Отсюда рабочие ходили на работу в шахты по добыче угля. В Военном квартале располагался штаб военачальника северного отряда, воины получали хорошее жалование, поэтому тут тоже жили хорошо. В последнем, Зимнем, проживали такие же бедняки, как и в Угольном, просто в Зимнем квартале находился один из храмов богини зимы, Хрицинды. Больше в нем достопримечательностей не было.

Самое главное, что он помнил из детства, это то, как он бежал за повозкой. Округлый темный силуэт, покачиваясь, уходил в закат. Россдар бежал за ней в изношенных ботинках своего старшего брата Алистера. Его детская стопа скользила по рельефной стельке грубой обуви, и он часто спотыкался, но не мог не бежать. Эта повозка уносила с собой единственного человека, имевшего для него значение в жизни. Серая фигура в длинной юбке исчезала в огне уходящего солнца. А он спотыкался по сухим летним камням и пытался в своем беззвучном крике объяснить, насколько сильно она ему дорога. Исушенный северный воздух заходил в его легкие и он даже не был уверен, что она его слышит. Россдар бежал даже тогда, когда повозка скрылась за горизонтом. Он падал, разбивая себе колени и ладони в кровь, поднимался, снова бежал, и снова падал, пока окончательно не выбился из сил.

Месторасположение дома, это, возможно, самое главное чувство, которое обретает человек. Несмотря на свой юный возраст в количестве семи весен, он знал, где именно находится тот дом, в котором он родился. Именно благодаря этому чувству, Россдар определил направление, в котором ему нужно двигаться после того, как повозка скрылась в закате, а он окончательно выбился из сил. Он знал, что в этом коробе, состоявшем из четырех стен и покато́й черепичной красной крыши, он родился и жил. Россдар вошел в остывающий дом, закрыв за собой худую дверь и стукнулся затылком об нее. Вдали доносился хнычущий плач ребенка. К нему подошел младший брат с открытым наивным взором и подергал за руку. Россдар опустился вниз по двери на пол и взялся за голову, не понимая, что ему теперь дальше делать. Его локти оперлись на стену. Ладони, ноги и колени гудели. От пола веяло холодом забвения. Нетвердой походкой ребенок ушел в комнату слева, где располагалась кухня. Раздался шум кухонной утвари и сдвигаемых стульев. Россдар тщетно пытался собраться, словно искал какой-то потерявшийся предмет. Он был слишком мал для этого. Да и что еще можно было ждать от семилетнего ребенка? Россдар, которого несколько часов назад оставила мать, уезжая в сторону лучшей жизни, остался с младшим братом один на один и пытался определить последовательность своих действий. Его жизнь прояснилась, когда спотыкающийся об разбросанный мусор на полу Боджи принес ему пустую тарелку.

– Ты хочешь есть, – понял он.

– Ам-ам, – кивнул в ответ мальчик.

Раздетый малыш постучал о стенки серой тарелки ложкой. Этот звук вывел его из состояния ступора. Вздохнув, Россдар на тряпичных ногах огляделся на кухне свежим взором. Теперь он знал, что искал еду. Здесь посередине стоял грубо сколоченный стол, три кривых стула и кривой печи на четырех ногах. На ней остывала почерневшая кастрюля. Он подошел к ней и, натянув рукав, открыл крышку. Там кипела грязно-молочная каша. Россдар взял ее и переставил на стол. Сквозь решетчатую дверцу топливника прорывались языки пламени. Бестолковый

малыш потянул к ярким огням ручки. Он отодвинул его и усадил на стул. Взяв одну из грязных ложек с прилипшей едой, он протянул ему и придвинул горячую кастрюлю ближе. Голод – чувство, которое появляется раньше всех. Ешь ты – все хорошо, едят тебя – дело дрянь. Это было ясно даже новорожденным. Его маленький брат с диким желанием пытался поесть, обжигаясь, роняя ложку и дуя на еду. Наблюдая за ним, Россдар грелся от тепла остывающей печи. Боль разбитых коленей и исцарапанных ладоней окончательно прояснила ему голову.

На самом деле, кроме матери, сбежавшей от собственных детей, у Россдара и его малолетнего брата Боджи был еще один старший брат по имени Алистер. Ему в этот год исполнилось шестнадцать весен, и он служил на северных границах Королевства. О том, что мать оставила их семейство, он узнал из письма своей одноклассницы. Снаряжая свою длинноворсую лошадь, Алистер закреплял позади седла свои нехитрые пожитки в прохудившемся мешке. Длинноворсые лошади служили основным источником пропитания и средством передвижения на севере. Они были невысокими, но очень выносливыми. Их длинные пегие челки закрывали глаза, густая шерсть на копытах защищала от холода, когда животное утопало в снегу. Именно на такой лошадке Алистер собирался вернуться домой на Алебеард. Бумага в его иссушенных пальцах содержала только факты. Он в очередной раз перечитал письмо.

«Дорогой Али, пишет тебе Айока Шу. Вчера я видела, как ваша мама, донг Мария погрузила свои вещи в повозку заезжих фигляров. Такого большого количества чемоданов я никогда не видала. Бедный Россдар бросился вслед за уезжающим караваном. Вернулся он глубокой ночью, медленно волоча за собой свои большие нелепые ботинки. Я напоминаю тебе о том, что через сорок лун наступит осень. И наша богиня Ойона не терпит непослушных детей, которые не идут на учебу. Если у тебя есть возможность и тебе не наплевать на своих братьев, я прошу, вернись в увольнительный отпуск, и помоги Россдару. Айока».

Возвращение Алистера

Детская память сохраняется урывками и не признает последовательности. Она может переставить события местами, переставить персонажей театра своей драмы. Но она всегда хранит эмоцию, которую принесло то или иное событие. Также и Россдар, половину лета выгребавший запасы крупы из мешков, стоявших за печкой и готовивший каши наугад, навсегда запомнил возвращение Алистера. Для маленьких детей большие люди являли собой олицетворение чистого зла или чистого добра, безусловного блага или неминуемой гибели. Но в любом случае, великой силой, способной изменить их жизнь. А если не изменить, то повлиять на нее. Россдар навсегда запомнил, как услышал скрип ржавых петель их входной двери. Перемазанный копотью и сажей в несколько слоев, он проковылял в своих огромных ботинках в коридор. Пришлось даже зажмуриться от солнечного света, ведь из дома он не выходил с того самого дня, как вернулся, не догнав повозку. На пороге возникла высокая худая фигура с мешком за широкими плечами. На мужчине был надет овечий серый кафтан и широкие синие брюки с вытянутыми коленями. Его большие костлявые руки тотчас подняли его наверх и прижали к себе. Словно взлетев к нему по воздуху, он инстинктивно обнял родного человека. Алистер приехал рано утром и вместе с ним в темный и полусгнивший дом проникло солнце.

– Росс, как ты вырос за год, – низким голосом произнес высокий мужчина.

Для него он и был мужчиной, ведь был на девять весен старше. Что-то мягкое и теплое проникло вместе с ним. И не только солнечный свет. В его сухих и теплых объятиях Россдар ощутил надежду на завтрашний день. Но так как он был всего лишь ребенком, то начал плакать, размазывая слезы по грязным щекам. За спиной Алистера раздался женский голос.

– Росс, милый, теперь все будет хорошо.

Ласковая женская ладонь коснулась его лица, и он расплакался еще сильнее. Мужчина и женщина усадили его на грязный просаленный диван, и, если бы Боджи не полез к нему, он бы и продолжил дальше плакать. Но малыш лез к нему, и ему пришлось успокоиться и заняться тем,

чтобы занять младшего. Жесткие скребущие пальцы Алистера потрепали его по каштановым волосам, и две высокие фигуры перешли на кухню. Холод гостиной охватил Россдара. Чтобы согреться, он прижал младшего брата к себе, и обернулся в сторону дверного проема.

– Через десять лун Ойона призовет всех детей на учебу, – сказала она. – Ты должен подготовить его.

– Подожди, дай мне собраться с мыслями, – отвечал ей он.

– А что собираться? Действовать надо. У тебя мало времени. Ты служишь в войске Короля Сира, ты ведь заработал денег за год?

Внезапно дом, столько времени объятый тишиной, разразил громогласный возглас:

– Нас мать бросила! Ты можешь это понять??

– Да, конечно! – тут же ответили ему. – Можно подумать, быть сиротами при живых родителях-алкоголиках, это лучше! – вскричала в ответ она.

Раздался стук каблуков по прогнутым половицам. Россдар увидел взмах юбки темно-зеленого платья и оглушительный хлопок двери. Его по-прежнему приводил в себя Боджи, отчаянно пытавшийся согреться об него. Маленькие цепкие ручки хватили его за немевший нос и пряди нечесанных каштановых волос. Долгое время он пытался его успокоить, и, в конце концов, сняв в себя жилет, он завернул его как в пеленку. Человек на кухне некоторое время вздыхал и ходил из стороны в сторону. Вскоре он снова услышал звук приближающихся шагов. Алистер сел рядом, опершись локтями на колени.

– Слушай, – мрачно сказал он. – Ты же умеешь разговаривать, так? А то я тебя давно не видал.

– Да, – тихо отозвался мальчик.

– Тебе нужно быть очень мужественным, Росс. Потому что мне скоро нужно уходить, – Алистер отчего-то поперхнулся и закашлялся. – Через десять лун ты идешь на учебу. Я школу не закончил, но ты обязан. Правда, я еще не знаю, как ты это будешь делать, нужно ведь и о Боджи заботиться. А мне еще год надо отслужить.

– Где мама? – спросил Россдар.

– К черту ее, – резко ответил ему он. – Мы теперь сами по себе. Будем друг друга держать, – Алистер запрокинул голову назад, тяжело вздохнул и повторил. – Мы теперь сами по себе.

Боджи на его руках успокоился. Россдар начал слегка укачивать его, чтобы он уснул. Малыш принялся сосать большой палец руки. Алистер посмотрел на них и, сняв свой теплый жилет, набросил на него. Согретый двумя импровизированными одеялами, ребенок вскоре стал мирно посапывать. Сон имел привычку забирать в свои мягкие ватные лапки всех, находившихся рядом. Россдар сам не заметил, как зевнул. Алистер снова потрепал его по голове и сказал:

– Я пошел за углем. Надо запастись на год.

Он снова зевнул, поднимая ноги к себе. Накрыв себя и братика жилетами, маленький Россдар погрузился в сладкий безопасный сон. Впервые после ухода матери он так крепко и безмятежно спал. Появление Алистера в его жизни и ласковый женский голос были таким радостным событием, что он снова и снова прокручивал их в своей голове. Ему даже приснился повтор этой встречи.

Кроме закупа угля, Алистер рубил дрова в ближнем лесу. Это был отличный способ сэкономить, хоть и трудозатратный, потому что Россдара нужно было еще к школе собирать. Он понимал, что Россдар, оставшись один, сделать этого не сможет. Прикинуть, сколько понадобится мальчикам дров на отопление дома на год, он не представлял, поэтому собирался просто забить гостиную на первом этаже дровами по максимуму. Россдар отчаянно хотел пойти вместе с ним и помогать, но нужно было смотреть за младшим братом.

– Ты никого не должен впускать в дом, Росс. Никого, кроме Айоки, ей можешь доверять, – предупреждал его Алистер. – Знаешь, через несколько дней, когда начнется осень, ночью в город станут лезть всякие твари из леса. Прошлебеки. Знаешь о них? Должно быть, нет. Это гребаные упыри, малыш. Они будут обнюхивать каждую дверь в надежде, что кто-то забыл запереться. Они будут лезть в каждое окно в надежде, что кто-то забыл закрыть задвижку. Они обожают человечинку. Особенно маленьких детей. Для этого их и превратили. Чтобы они нас пожирали. А знаешь, кто они? Грешные люди. Знаешь, в чем их грех? Им не хватило денег на погребение. Вот такие дела, Россдар, так устроен наш мир, в котором мы живем. Жить здесь тяжело, а сдохнуть – денег нет.

Так говорил он, складывая дрова в углу. Россдар помогал ему, не замечая, как Боджи подошел к топору, брошенному на пол. Алистер продолжил:

– А еще – никто не должен знать, что мать от нас ушла. А то вас с Бо заберут в приют. И мы никогда больше не увидимся. Из приюта еще никто не возвращался. Я думаю, они продают малышей на кровавые обряды в храмы. Будут спрашивать – она уехала на заработки на запад, скоро приедет. Когда я вернусь, через год, чтобы вы оба торчали здесь, в этой самой гостиной.

Внезапно раздался детский плач, и Боджи плюхнулся на пол, держась за палец. Из него вытекала тонкая струйка крови. Алистер разразился бранью, швырнув поленья на пол:

– Я же сказал тебе следить за братом, я сам тут все сложу!

Они подошли к малышу, который несчастно смотрел по сторонам и держался за палец. Пнув в сторону топор, с перепачканным лезвием, Алистер присел, разжав через сопротивление пальчики. Кончик указательного пальца до первой фаланги болтался на кусочке кожи. Крик усиливался, и Боджи позвал маму, продолжая оглядываться. До сегодняшнего дня он не задавался вопросом, где она и вообще не разговаривал. От досады Алистер даже схватил Россдара за ухо и со всей силы встряхнул:

– Мы не богачи, чтобы позволить себе болеть! – рявкнул он. – Запомни это!

Алистер взял с дивана шапку и тяжелым шагом вышел из дома. На какую-то долю секунды Россдару показалось, что и Алистер решил их оставить и страшно перепугался, что он больше не придет.

– Хватит плакать! – воскликнул он малышу. – Что я могу сделать? Зачем ты полез к топору? Хватит плакать! Перестань! – разрыдался Россдар.

Присев рядом с ним, он потер покрасневшее ухо. Ему было не столько больно, сколько обидно и досадно от того, что Алистер разозлился. Но Боджи продолжал горестно звать маму.

Алистер вернулся к вечеру. Достаточно скоро, чтобы в ранку еще не успела попасть инфекция, и достаточно долго, чтобы Россдар успел успокоиться. Вместе с ним пришла Айока с сумкой-мешком через плечо. Алистер прошел к Боджи и, подняв, унес его на кухню. Посадив его на стол, он показал ей дрожащую детскую ручку. Прицокнув языком от сочувствия, она вытащила из сумки зеленый бутылек с коричневой крышкой и отвинтила ее.

– Можно было успеть пришить, – заметила Айока.

– У меня только Россдару на тулуп осталось, – хмуро ответил он. – И на еду я им должен оставить.

– Ясно, – понятиливо кивнула она. – А ты сам-то к зиме готов?

– Я разберусь, – заверил ее Алистер.

– Промоем ему рану сначала, – Айока вздохнула и предупредила. – Заживет плохо.

– Главное, чтоб не помер, – решил он.

Россдар не хотел заглядывать на кухню и видел только суетившиеся тени в отсвете на полу. Боджи вновь разразился рыданиями, когда вода коснулась открытого места ранения. Айока вытащила из бутылки маленькую ложечку с искрящейся мазью болотного цвета. Густо покрыв отрезанный палец лечебным средством, она подула и смесь с шипением начала впитываться.

ваться. Новый всплеск рыданий малыша сотряс стены хлипкого домика. Она забрала у Алистера братика и принялась укачивать.

– Что это? – спросил он, наблюдая за ней.

– Это смесь яда змеи, сок сердунчиков, что-то еще и, разумеется, волшебный наговор. Куда же без него. Магом быть очень выгодно. Купила у донг Люшиса, – ответила Айока, начиная ходить по кухне. – Он единственный честный лавочник в нашем Угольном квартале. Хоть и ворчливый до ужаса.

– Это да, – согласился Алистер и заметил. – Тебе идут распущенные волосы. И вообще ты очень красивая.

Боджи успокаивался. Не отреагировав на его слова, она посмотрела на заживающий палец. Мазь полностью впиталась, и новая кожа стремительно затягивала ранку. Наблюдать за волшебством было бесценно. Айока улыбнулась и погладила ребенка по голове, утирая с лица слезы. Капли еще искрились на его ресничках. Она ласково поцеловала малыша в лоб и передала обратно Алистеру.

– Спасибо большое, – сказал он. – И еще я хотел извиниться.

– За что? – застегнула сумку она, собираясь уходить.

– За то, что накричал на тебя тогда.

– Ну, это у тебя в крови, – безразлично пожала плечами Айока. – Поздно уже. Меня Микаэла дома ждет.

– Как твоя сестренка поживает?

– Отлично, – кивнула она. – Мика растет такой чудесной малышкой. Этой весной исполнилось два года.

– Наверное, красивая и добрая, вся в тебя.

– Али, – остановила его Айока. – Мое хорошее к вам отношение не значит, что ты можешь подкатывать ко мне. У тебя есть два малолетних брата, у меня малолетняя сестра. Нам есть, на ком сосредоточиться.

– Это потому, что я полукровка? Знаешь, я смогу разбогатеть, я буду богатым, я в этом уверен.

– Спокойной ночи, – отрезала она.

Когда она ушла, Алистер посмотрел на Боджи. Малыши быстро забывали боль. Тем более в таком нежном возрасте, как у него. Он уже болтал ножками в вязаных ботиночках и нечленораздельно гулил. Некоторое время Алистер смотрел на него, стараясь запомнить его детский невинный взгляд. Ведь дети так быстро растут, и когда он через год вернется, Боджи больше не будет таким очаровательным пупсиком.

– Надо закончить с дровами, – задумчиво вспомнил он.

Отпустив его на пол, Алистер вышел обратно в гостиную. Россдар сидел на ступеньках узкой лестницы на второй этаж и смотрел на него.

– Ты топор убрал?

– Убрал, – ответил он. – Что это значит, что мы полукровки?

– А, – усмехнулся старший брат и пояснил. – Ты же не в курсе. Мы как бы не совсем люди. Мы полукровки, презираемые обществом, – он начал расстегивать пуговицы на рубашке. – Я, конечно, не очень соблазнителен для девок, но для армии я в самый раз!

Алистер снял рубашку и повернулся к нему спиной. Его кожу покрывали кожистые чешуйчатые пластинки красновато-бурого цвета. Половина спины, плечи и руки до локтей закрывал естественный панцирь. Из плеч выходили острые костяные короткие шипы. Их изогнутая форма напоминала клыки. Он прошел мимо него на второй этаж. Порывшись среди вещей родителей, Алистер спустился к нему с небольшим поцарапанным зеркалом:

– А вот и ты. Приятного знакомства с отражением, – хмыкнул он.

Россдар посмотрел на себя. Здесь было темно, поэтому он прошел к огню на кухню. Его лоб покрывала такая же красно-бурая чешуя как и у Алистера, а по бокам выходили такие же костяные наросты, как у него. Он потрогал их, глядя в свои желтые глаза с вытянутым щелевидным зрачком. Действительно, у Алистера, Айоки и Боджи были другие глаза. Наклонив голову, маленький Россдар осознал, насколько сильно отличается от других.

Знакомство с Люшисом

Лавочник Люшис торговал на улице Северной через три дома от угла, на стыке Угольного и Зимнего кварталов. Вывеска лавки так и гласила: «У Люшиса». Здесь он продавал все, кроме продуктов. В основном сюда заходили за хорошим табаком. Ведь, как говорила Айока ранее, он был единственным честным торговцем и не размешивал табачные травы с другими, делая самокрутки. Кроме того, здесь продавались те или иные предметы одежды, магические механизмы и лечебные мази. Айока шила различные простые вещи: юбки, платки, вязала шарфы и шапки и отдавала ему на перепродажу. Сегодня она пришла сдать новый зеленый шарф. На потолке у входа висели различные часы с кукушкой, музыки ветра и птичьей кормушки. Чтобы пройти к прилавку, нужно было пройти через этот импровизированный занавес. Но это ее даже забавляло. Под глухие стуки трубочек и мелодичные звуки, она прошла к нему, поставив корзину на прилавок.

– Добрый день, донг Люшис, – улыбнулась Айока.

Ссутулившийся старик корпел над самокруткой, заворачивая в папиросную бумагу табак. Она решила подождать, пока он закончит. Зрение подводило его, а мозолистые пальцы тряслись от старости. У него была наполовину лысая голова и абсолютно белые поседевшие космы по бокам. Небольшую бороду и усы, тем не менее, он аккуратно стриг, потому что работал с населением и старался за собой следить. Периодически круглые очки съезжали на кончик его носа, и он возвращал их обратно на переносицу.

– Слышали новости, дорогой донг Люшис? Весь город об этом с утра говорит, – смотрела за его действиями она. – Произошло нападение на наш северный отряд. А ведь лето едва закончилось. Грозманы даже отрезали головы нашим воинам.

Закончив, наконец, самокрутку, он дополнительно потер ее между ладонями и довольно бросил в коробку к другим, которые продавал поштучно. Приклеенный ценник обозначал стоимость в два медяка. Сняв очки, лавочник посмотрел на нее и пожал плечом:

– А я не удивлен. Мне никого из них не жаль.

– Но почему? Им отрезали головы, вы представляете?

– Представляю, – поморщился он. – Это забавно. Но эти ребята знали, на что шли. Не хотели бы помирать – сидели бы дома. Но они подписали контракт на двухгодичную службу на Короля в обмен на крупное жалование и безвозмездное погребение под покровительством Ойоны. За что продались – то и получили. Вот я вообще не уверен, что смогу внести Подземному тирану достаточно, чтобы он принял меня в свое царство и обеспечил крепким напитком и парочкой сносных женщин.

Усмехнувшись, Айока не ответила ему, а лишь придвинула корзину, чтобы посмотреть товар. Люшис запустил свою морщинистую руку в плетеный короб и вытащил оттуда шарф крупной вязки с кисточками по обоим концам.

– Неплохо, неплохо, – снова взялся за очки он. – У тебя золотые руки, милая. Получается с каждым разом все лучше.

– Благодарю, – польщено улыбнулась она. – Мне и самой это нравится. Возможно, я смогу скоро даже сшить платье.

– Тогда может, обменяемся на ткань? – предложил Люшис.

– Смотря какую.

– Пройдем, посмотрим, – показал рукой налево он.

Длинный прилавок вдоль всего помещения привел их к противоположной стене, на которой в ряд стояли рулоны ткани разных цветов и фасонов. Айока наклонила голову, разглядывая их, и даже погладила себя по подбородку. От такого большого выбора даже глаза разбежались. Пока она думала, со стороны двери раздался звон, стук и скрип, знаменуя появление новых посетителей. В лавке появился Алистер с братьями. Люшис поправил очки, разглядев Россдара и ухмыльнулся:

– Я думал, ты помер от страданий.

– Какого черта ты несешь, старик? – нахмурился Алистер.

– Весь квартал видел, как он бежал за обозом фигляров в сторону леса, – рассмеялся он. – Даже я вылез из своей лавки. Я так давненько не хохотал. А что? Развлечение было славным. Главное, бесплатным.

– Донг Люшис, зачем вы так, – попросила Айока и перевела тему. – Завтра уезжаешь, Али?

– Да, тулуп подходящий на зиму ищем, – поудобнее посадил на руках Боджи Алистер. – Еще в школе зарегистрироваться надо.

Люшис ушел за стеллажи, стоявшие позади него в поисках кафтана для мальчика. Алистер с братьями подошел к ней, и он заметил:

– Терпеть не могу этого противного старикана.

– Мы сами можем стать такими, тоже состаримся.

– Я лучше стану прошлебеком, – покачал головой он.

Люшис бубнил вдали, разыскивая тулуп среди полок. Алистер спросил:

– Ты не передумала?

– Насчет чего?

– Будешь ждать меня?

– Да ты, видимо, умом тронулся, – рассмеялся Айока. – Я не девушка тебе.

Словно из подвала, старик Люшис крикнул:

– «Ойона», значит, «умнейшая», а «Айока», значит, «умная», а не «дура»! Не будь дурой и с полукровкой не связывайся! Цена их слову – скрежет медяка на день ярмарки!

– Дело не в этом, донг Люшис! – крикнула ему в ответ она.

Алистер закатил глаза – на самом деле он полагал, что старик окажется тугоухим и не станет свидетелем его симпатии. Люшис вышел из темноты стеллажей с тулупом, отряхивая его от пыли. Серое облако обьяло его, защекотав ноздри.

– А что, я сказал что-то про внешность? – чихнул он.

Айока и Алистер подались назад, чтобы на них ничего не попало. Его курносый нос покраснел, и Люшис вытер его рукавом:

– Я знавал их отца. Тот еще абастас был, помяни мое слово, лжец каких мало, – сказал девушке он, погрозив пальцем для пущей убедительности. – Как результат – настрогал детей и ускакал вдаль. Я даже не виню их мать, которая бросила их, – окинул их взглядом Люшис. – Она, наверное, поняла, какими лгунами эти вырастут, собрала свои пожитки, и сказала: «Счастливо оставаться, парни!», – отсалютовал двумя пальцами от виска он. – И это был правильный выбор, – согласился Люшис. – У меня было три жены. И все они от меня ушли. Это было их лучшее решение в жизни. Все женщины должны бросать мужиков, которые не приносят им ничего, кроме несчастий, – он посмотрел на Алистера. – А ты ей что-нибудь преподнес, кроме мешка своих проблем?

– Да завалитесь вы уже, – устало попросил Алистер. – Я не обязан выслушивать помои, которые льются с вашего рта, с тех пор, как я сюда зашел.

– Так бери тулуп и проваливай! – воскликнул он, показав на одежду. – Полукровку встретить вообще не к добру, а ты в мою лавку заперся!

– Примеряй, давай, – мотнул головой старший брат.

От меха пахло плесенью и пылью. Россдар взял тулуп и надел. Тут же стало жарко. Айока встала рядом с Алистером, оглядывая его.

– Село хорошо, – отметила она. – В плечах чуть великовато, но на вырост как раз.

– Это мех пушистого лиллиана, – сказал Люшис, с недовольством оглядывая братьев. –

Он в самые трескучие морозы не пропустит ни ветер, ни холод.

– Сколько стоит?

– Пять золотых монет, – ответил он.

– Так дорого?

– Дорого?! – почти вскричал Люшис. – Даже не смей торговаться со мной, полукровка!

– Был бы тулуп новый, я бы ничего не сказал, – заметил Алистер. – Но он явно поношен, да и насекомые его поели, – он указал. – Видите, по низу?

Айока закусила губу, предчувствуя отчаянный спор, и отошла обратно к рулонам тканей.

Он скривился от раздражения, которое испытывал, и покачал головой:

– Это отличный тулуп, который прослужит лет десять! Мех пушистого лиллиана бесценен! Знаешь, как сложно их поймать? Они водятся на крайнем севере, еще дальше, чем мы!

– Знаю, я там и служу, – парировал Алистер.

Их голоса то стихали, то повышались, перебрасываясь возражениями. Пока Алистер и Люшис торговались в цене, она определилась со своим выбором. Больше всего ей приглянулась бледно-голубая ткань. Еслишить кружева на манжеты и горловину, то будет выглядеть даже нарядно. Мужчины ушли к кассе, потому что все-таки Люшис уступил.

– Мне в торговле делать нечего, я слишком честен, – ворчал он, открывая нижний ящик на замочке.

– С вами приятно иметь дело, донг Люшис, – сыронизировал Алистер, положив на тарелку четыре золотые монеты.

– Да пошел ты, прислужник короля, – прокряхтел лавочник, заворачивая одежду в бумажный пакет. – Я очень надеюсь, что грозманы всем вам головы отрежут. Сделают из черепов черпаки и будут воду лить на свои космы в знойный день.

– Эй, – рассердился он. – Это уже слишком.

– Слишком?! – поразился лавочник. – Мы сидим на грозманской земле, и делаем вид, будто это все когда-то было наше, – провел руками по воздуху он. – А оно не было наше. Всего каких-то пятьдесят весен назад, здесь вместо этого короба стояла ураса кочевников. У нашего народа поразительная память, вот что! Стоит нам где-то построить свои захудалые дома, дать названия улицам, кварталам, и они тут же забывают, что у земель были другие хозяева, – с каждым словом распаялся Люшис. – Да, у этих земель были другие хозяева. Не мы, – заверил его он. – Хотя, причем тут мы? Мы всего лишь проклятый народ, который сюда заселили, чтобы застолбить место. Вот у нас есть хозяева. Хозяин. Ты знаешь его в лицо? – уточнил Люшис, подняв монету. – Вот, посмотри. А он наблюдает за тобой.

Алистер посмотрел на отчеканенное изображение короля на золоте. Он действительно словно смотрел прямо на него.

– Следит, чтобы ты вовремя из увольнительного отпуска вернулся в армию, чтобы встал в ряд с другими такими же идиотами и голову свою сложил за то, – Люшис рассмеялся его глупости. – В чем даже не разбираешься.

– Я хоть в школе и не учился, но читал...

– Кто пишет книги, дурак? – бросил монеты в кассу он. – Наши богини, что ли? Книжки пишут люди. Такие же люди, как мы. А пишут знаешь, под чьим пристальным взглядом? – Люшис вновь открыл ящик и снова достал монету. – Вот под его пристальным взглядом. А теперь вали уже отсюда, и братьев своих сопливых забирай. Трое полукровок для этой захудалой лавки – это слишком!

Он с грохотом закрыл кассу и повернул ключ. Когда они ушли, Айока подошла к нему и уточнила:

– С вами все в порядке, донг Люшис?

Погладив себя по морщинистому лицу, он устало вздохнул:

– Полукровки вносят смуту везде, где бы не появились. Это их проклятие, – Люшис задумчиво помолчал, а потом добавил. – А может, везение. Уж не беспокойся за них, в жизни они пристроятся лучше нас с тобой.

Айока даже обернулась в сторону выхода, где скрылись трое братьев. Она привыкла верить старшим. Но для того, чтобы верить в своих друзей, она опиралась не на пояснение Люшиса, а не свое сердце.

Прощание Алистера

Помимо тулупа, в последний день своего пребывания в городе, Россдару приобрели войлочные обрезки, чтобы утеплять ботинки. Алистер собирал брата, вспоминая свой первый день в школе. Вечером он заталкивал войлок, проверяя, удобно ли села его нога. Они сидели на кухне. В печи тлели угли.

– Проверь задвижку, Росс, не вздумайте угореть из-за безалаберности, – мотнул в сторону печи Алистер, сидя на стуле. – Суй ногу еще раз, я добавил. Нормально?

Стоя перед ним, он опустил ногу в башмак, разглядывая опущенную голову брата. Из-за макушки таких же каштановых волос как у него самого, торчал острый крупный нос. Он даже отбрасывал тень. Алистер поднял на него карие глаза. Россдар кивнул.

– Хорошо. Снимай. Во втором сделаю также.

Боджи сидел рядом, стуча грязными ложками и что-то приговаривая себе под нос. Увлечь маленького ребенка простыми вещами было легко. Россдар поинтересовался:

– А ты почему школу не окончил?

– Отец свалил, я должен был помогать матери, – ответил он.

Мальчик посмотрел на маленького брата и уточнил, садясь за стол на последний третий стул.

– А ты не свалишь?

– Если не помру на поле боя, то вернусь, конечно, – возился с ботинком Алистер. – Я припрятал золотую монету, которую сэконобил в споре со стариком. Чтоб его прошлебек забрал. Монета на втором этаже, под половицей под комодом. На месяц вам еды должно хватить на эти деньги, а дальше уж сам, ладно?

Россдар замолчал. Ему так не хотелось, чтобы брат уезжал. Он не сводил с него взгляд, запоминая каждое движение, чтобы потом вспоминать. Закончив, Алистер поднялся и поставил ботинки к стене у выхода.

– Пойдем-ка в гостиную, – позвал его он.

Послушно пройдя вслед за ним, Россдар вновь встал напротив него. Алистер подвинул диван в угол, освободив побольше места. Из-за склада дров и угля, здесь стало очень тесно, но все равно было свободнее, чем на кухне. Стуча ложками, за ними выбежал Боджи и забрался на диван, наблюдая за ними. Травмированный палец его совсем не заботил.

– Росс, паренек ты мой смысленый, – начал закатывать рукава он. – Я завтра с утра уеду, пока ты еще будешь спать, поэтому, мы с тобой разговариваем в последний раз, – Алистер усмехнулся и уточнил. – В этом году. Как твой старший брат, я должен дать тебе наставления. Во-первых, заботься о Бо. Корми его хотя бы раз в день, топи печь и постарайтесь не пораниться. Если кто-то будет что-то давать – бери. Я всегда беру, когда мне дают. Но только если не по шее. Тогда я бегу. Но ты не всегда сможешь убежать, поэтому сейчас я буду тебе объяснять правила самообороны. Меня здесь не будет, и я не смогу защитить тебя.

– Защитить от чего? – уточнил Россдар.

– От всякого, – размял шею Алистер. – Вставай рядом. Тебя будут задирают в школе, это как пить дать. Люди не любят полукровок, и ты это уже понял. К тому же, соседи наверняка знают, что ты живешь тут один. Мать хоть нас и бросила, но сделала это в чрезвычайно удобное время, летом. В сезон богини Летты действует запрет на драки, убийства и разбой. Поэтому никто не вломился в дом и вас не тронули. Мы не общаемся тут ни с кем, кроме Айоки и я не знаю, что у них на уме. Ты должен быть готов отразить удар, – он показал рукой. – За шкафом две палки. Одна простая, другая с гвоздями. К тому же, ты теперь знаешь, где лежит топор.

– Я спрятал за печкой.

– Молодец, – Алистер подманил его к себе ближе и начал показывать. – Смотри, бить надо без предупреждения, чтобы застать противника врасплох. Ладонью вперед.

Россдар повторил вслед за ним.

– Резко выбрасываешь руку. В глаза, челюсть или нос. Это называется прямой удар.

– Хорошо.

– Давай, несколько раз сделай. С завтрашнего дня тренируйся по вечерам. Еще есть такой вид удара, как удар снизу. Вот такой. Повтори. Молодец. Для такого удара желательно, чтобы в кулаке что-то было, вроде камня. Чтобы удар получился тяжелей. И еще есть хороший прием – это удар в пах, – Алистер подтянул к себе воображаемого противника и, подогнув колено, поднял ногу вверх. – Можно и стопой врезать. Еще можно ударить под колено. Врагу будет очень больно. Если попадешь, то он тут же оступится и упадет. В любом противостоянии запомни – одной рукой защищаешься, другой атакуешь.

Россдар запоминал и повторял за ним. Весь вечер они провели в отработках ударов и у него действительно неплохо получалось. Он не боялся остаться один, он грустил о том, что Алистер уезжает. Когда они легли в ряд на разложенном диване, Россдар засыпал с тревогой, беспокоясь, успеет ли проснуться до того, как Алистер уедет. Он думал, что если заснет чутко, то сможет почувствовать, когда брат встанет с дивана. Но от этого только больше вымотался и провалился в глубокий крепкий сон.

Основы мироздания

Единственная школа на Алебеарде объединяла все классы. Россдар поступил в тот самый год, когда стали требовать от вновь прибывших навыки чтения и писания. Не только он не имел подобной подготовки, другие дети из бедных слоев населения также плавали в первый учебный день. И хоть учительница явно выделяла детей зажиточных горожан Центрального и Военного кварталов, пересадив опрятных и дорого одетых учеников на передние парты, первый урок для Россдара прошел весьма занимательно. Он слушал, не отвлекаясь, и даже не заметил, что другие ученики задних парт заметно от него отодвинулись.

Вот, что узнал на своем первом уроке Россдар.

Земли Уураанх¹, на которых они жили, представляли собой материк, со всех сторон омываемый морями и океанами и исчисляли свою летопись в количестве пятьсот вёсен со Дня примирения Богов – четырех сестер и одного брата. Согласно легенде, они долго враждовали между собой, пребывая в состоянии энергий в чистом виде. Каждая сторона хотела стать единственной в своем Абсолюте и поглотить остальных. Преимущество, словно легкомысленная красotka, лукаво перебежала от одного поклонника к другому. Воевавшим казалось, что вот-вот и победа будет за ними. В конце концов, они порядком измотались и растратили все свои силы. На тот мизерный остаток энергии, они решили заключить перемирие. Тогда одной из сестер пришла идея создать что-то долгое и забавляющее их, несущее покой своим копошением и отвлекающее. То была средняя сестра по имени Весниана. Двое сестер – Хрицинда и Летта прислушались к ней. После столь продолжительного противостояния успокоиться и наслаждаться развлечением по управлению созданий показалось им прекрасной идеей. Их

¹ Уураанх – в переводе обозначает «великий, величественный»

старший брат Уурмаадт отнесся настороженно, и к тому же призвал свою ближайшую сестру Ойону. По старшинству он мнил себя главным и на все имел собственное мнение и план. Богиня Весниана предложила создать землю и океаны и заселить их живыми существами. Вложить в них силу, эмоции и стремления, и питаться цикличной энергией их жизнью. Объединившись, они определили бескрайний небосвод, разместив его наверху и темные глубины, находящиеся внизу.

Младшая сестра, богиня Летта зажгла солнце на небосводе, а Хрицинда подарила луну и звезды. Уурмаадт образовал землю и поселился в ее недрах, забрав себе право на поглощение всего сущего, закончившего свой жизненный круг. И едва они успели что-то возразить, скрылся в глубинах своего подземелья, назвав его Царством мертвых.

Вторая по старшинству после Уурмаадта Хрицинда разлила вокруг Уураанха океаны и моря, впустила через устья реки и расплескала озера. Она сотворила всех рыб и диковинных речных и морских существ и чудовищ. Чтобы иметь среди людей своих сторонников, она решила подарить своим последователям ясновидение и дар пророчества. Время своего царствования она назвала Зима – период суровый, снежный и жестокий. Ледяная вода текла в жилах ее созданий.

Третья по старшинству Ойона пролила на землю дождь, зарядила облака энергией грома, озарила небеса молниями и запустила в моря штормы. Она подняла горы и скалы. Как сестра, Уурмаадту самая близкая, углубила в земле расщелины и проложила подземные туннели. Свои творения Ойона зарядила ценным металлом, рудой и железом. «Сражайтесь и умножайте величие свое и мое и чествуйте меня Осенью», – призвала она и подарила всем своим служащим воинам счастливую жизнь после смерти в Царстве своего брата.

Как родоначальница жизни, Весниана создала людей, посадила в землю семена цветов и деревьев, а также запустила в леса животных, птиц и насекомых. «Чествуйте со мной начало жизни и питайтесь плодами моих деревьев», – сказала она людям, и нарекла период своего царствования на земле Уураанх Весной. В знак благодарности своей прародительнице, люди начали свою летопись с ее времени царствования.

Летта – сестра самая младшая, а посему беззаботная и миролюбивая, подарила людям огонь, который мог обогреть их жилище и на котором они могли приготовить пищу. Свой период доминирования на землях Уураанх она нарекла Летом, в честь себя, и запретила проливать кровь на Великой земле, сеять разбой и разрушения.

Каждая определила свой праздник и двести лун на период господства по всей земле Уураанх. Своих созданий они призвали продолжать свой род, заботиться о нем и обеспечивать себе и своим потомкам достойное погребение. Ибо властитель Царства Мертвых не принимал в объятия своего вечного земляного сна без подношений.

Размышляя о том, что узнал, Россдар шел домой, стараясь торопиться. Он оставил Боджи в гостинной, потому что не оставалось выбора, и наставил вокруг него преграды досками, чтобы тот не выполз. Главное, чтобы ничем не порезался и ниоткуда не упал. И хотя он торопился, то не остановиться у лавки Люшиса не мог. Старик сидел на крыльце и медленно курил, греясь в последних лучах осеннего солнца. Увидев его через дорогу, он прищурился. Так опасно прищуриваются, когда видят привлекательного детеныша дикого зверя, не зная, то ли отойти от него из соображения безопасности, то ли остановиться и поиграть. Возможно, он оцарапает руку, но встреча станет весьма занимательной. Люшис был любопытным стариком, что для старости совсем не характерно. Но ведь и человеком он был в высшей степени необычным. Невозможно было не заглядеться на желтоглазого дивного ребенка в огромных деревянных башмаках с учебниками под мышкой. Подозвав его к себе жестом, он выпустил дым клубами. Россдар тут же направился к нему, словно ждал приглашения. Пропустив проезжающую мимо

телегу с запряженной длинноворсой лошады² цвета, он перебежал к нему и с интересом встал напротив. Терпкий дым от горящего табака окутал мальчика. Вместо приветствия Люшис едко поинтересовался:

– Ты что тут рогами своими светишь? Лето закончилось. Скоро будешь получать по шее. Осень началась. Чем ближе зима, тем злее будут становиться люди. Они же хуже животных. Даже хуже тебя. Со временем ты это поймешь Ты же просто будущий маленький лжец, а они пожизненные душевные уроды ... – он запнулся и, махнув рукой, затушил самокрутку о землю. – Стой здесь.

Люшис поднялся и, кряхтя, скрылся в своей лавке. Станным образом Россдара не трогала брань и упреки этого старика. Ему было интересно, что он говорил, как минимум, и хотелось постоять рядом, как максимум. Старики и дети вообще отлично ладят между собой. Одни молодеют, а другие жизни учатся. Главное, найти «правильного» старика, и можно не беспокоиться за мировоззрение. А старикам только на счастье найти искреннего малыша, который не разобьет их сердце на смертном одре. Встречаются чудные тандемы. Союз Россдара и Люшиса был многообещающим, поэтому они оба друг к другу присматривались.

– Вот, держи, – вышел из темноты лавки он, сжимая в руках что-то красное.

Люшис сел обратно на ступени и натянул ему шапку на голову. Будучи больше на два размера, она села ему ровно по глаза, закрыв даже кожистые надбровные дуги. Россдар превратился в обычного ребенка с интересным цветом глаз и необычными зрачками.

– Спасибо, дядя, – тонким голоском поблагодарил он, глядя на него снизу вверх.

– Переезжать вам отсюда надо, по-хорошему, – достал новую самокрутку Люшис. – Здесь одни люди живут. Других рас нет, тебе придется тяжело. Когда в один населенный пункт набивается только один вид, он инстинктивно начинает сжирать тех, кто отличается. В Зейнализе, в столице, живут различные существа. Там хорошо. Я жил там с первой женой, пока она не выгнала меня. В Алании неплохо, там ходулы живут и долгоносы, они малые неплохие, хоть и того, – покрутил пальцем у виска он.

– Но Алистера взяли в армию.

– Потому что Королю насрать, кто за него будет умирать, – крякнул он, вытащив из кармана спички и подкурился. – Человек хочет помереть – можно, – сыренизировал Люшис. – Полукровка – да пожалуйста, – повелительно махнул рукой он. – Талпиды, ходулы, грозманы, шарболлы, долгоносы, какие-нибудь волшебные существа, – перечислял старик. – Им там наверху, – ткнул пальцем в небо Люшис. – Насрать, кто здесь будет проливать кровь. Главное, чтобы машина смерти крутилась.

Россдар промолчал, слушая его. Люшис бросил на него взгляд, задумавшись, что зря рассказывает ему все это и, будучи ребенком, он может испугаться. Но мальчик выглядел заинтересованным. Усмехнувшись, он отметил:

– А ты не из трусливых, верно, малыш?

– Я еще не знаю, – внезапно справедливо ответил тот без лишнего бахвальства.

Тяжело вздохнув, Люшис посерьезнел и сказал:

– Сегодня ночью из леса и с гор ползут прошлебеки. Алистер же говорил об этом?

Россдар закивал. Как ребенок, он еще не признавал масштабов опасности.

– Ты должен занавесить все окна, чтобы они вас не увидели и потушить свет, печкой заранее дом протопи, чтобы не светила, – посоветовал он, подавшись к нему. – И еще, заткни все щели между дверью и полом одеялами, чтобы сладкий запах ваших маленьких тел не выходил наружу, – запустив руку в карман, Люшис вытащил железную банку с замазкой. – Этим

² Длинноворсые лошади – порода лошадей, распространенных на севере земель Уураанх, преимущественно темно-коричневого и черного окрасов

щели окон замажь. Прошлебеки не такие тупые, как принято думать. Это ж бывшие люди. А люди всегда любили вкусно пожрать.

Люшис махнул ему рукой, чтобы шел дальше. Положив замазку в карман, Россдар благодарно кивнул, и поспешил домой. Он не осознавал, сколько времени потратил на разговор с седовласым лавочником, и побежал со всех ног вниз по улице.

Присутствие зла

На его счастье, Боджи не выбрался из импровизированного загончика, в котором пробыл весь день. Побросав книги на стол, он вытащил брата и отпустил гулять по дому. Дел ему предстояло выполнить немало. У печи стоял большой мешок с купленным углем, который заблаговременно затащил Алистер перед своим уходом. Россдар взял совок, и начал наполнять печь. Пламя вспыхнуло тотчас. Он выбежал во двор к колонке и набрал воды в ведро, чтобы им хватило до утра. Поставив чайник на плиту, Россдар также наполнил кастрюлю и поставил рядом. Кроме каши он ничего не умел готовить. Признаться, за лето она ему уже так надоела, да и Боджи тоже. Наверное, поэтому он даже есть не просил. Тем не менее, других вариантов не было. Чтобы Боджи поел, ему пришлось заправить на ужин кашу хотя бы маслом. Быстро доев тарелку за один присеста, он начал возиться с замазкой. Жестяная банка была запаяна, Россдар взял нож и начал ковырять ее, стараясь не порезаться. Особенно он старался не порезаться, потому что помнил о том, что болеть для них – роскошь. Раздался стук в дверь. Россдар вытянул шею, взволнованно обернувшись. По спине пробежал липкий пот страха.

– Росс, это Айока! – позвала она.

Ее голос он запомнил, узнал. Он подбежал и уверенно открыл дверь. Девушка вошла в дом, закрывая за собой засов. На ее плечах лежал цветастый платок, который она оправила:

– Как вы тут? Как первый день в школе? – огляделась Айока. – У вас все нормально?

Он кивнул. Она быстрым шагом прошла на кухню. Увидев банку с воткнутым ножом, Айока стала торопливо показывать, как открывать ее. Обмотав банку тряпкой, чтобы не выскользнула, девушка взялась за нож.

– Размахиваешься, и со всей силы вгоняешь нож вот сюда, где стык, – показала она. – И, удерживая, ведешь от себя, – открыла Айока. – Какая у вас есть еда? Али денег оставил?

– Немного, – взял у нее банку Россдар и заверил ее. – Я разберусь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.